

Испытание первым боем: толстовская традиция в военных рассказах В. Быкова 50-60-х годов

С.В. Лапунов

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Статья посвящается преемственности художественных решений при воплощении в военных рассказах В.Быкова 50 – 60-х годов классической для военной прозы ситуации -- испытания человека первым боем. Несмотря на разработанность проблемы освоения белорусской литературой художественных достижений русской военной прозы второй половины XIX века, прежде всего художественного опыта Л.Н. Толстого, влиянию традиций русской военной прозы XIX века на «малые» жанры белорусской военной прозы XX века уделено недостаточно внимания. На раннем этапе творчества В. Быкова осмысление художественных открытий, сделанных классиками русской военной прозы второй половины XIX столетия, стимулировало поиск новых художественных приемов изображения войны. «Неожиданности и повороты», открывающиеся сознанию человека в первом бою, заставляют осознать подлинное значение событий, помогают ощутить контраст между объективной и субъективной реальностью. Осмысление художественных открытий Л.Н. Толстого определило эволюцию военной прозы Быкова в сторону психологизации батального пространства.

Ключевые слова: военный рассказ, русско-белорусские литературные связи, преемственность, психологизм, «диалектика души».

The test of the first battle: Tolstoy's tradition in V. Bykov's war stories of the 50-60s

S.V. Lapunov

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M.Masherov"

The article is devoted to the continuity of the literary presentations when the classical situation for war prose – the test of the person by the first fight – was embodied in V. Bykov's war stories of the 50-60s. Despite the development of the problem of mastering by Belarusian literature achievements of Russian war prose of the second half of the 19th century, especially L. Tolstoy's experience, it should be mentioned that it was paid little attention to the influence of Russian war prose tradition of the 19th century on "small" genres of Belarusian war prose of the 20th century. In the early period of V. Bykov's work the understanding of literature discoveries made by Russian war prose classics of the second half of the 19th century stimulated the search of new literary way of war depiction. "Unexpectedness and turnings" which the person encounters in the first fight, make the man realize the real meaning of events, help to feel the contrast between objective and subjective reality. The understanding of L. Tolstoy's literary discoveries determined Bykov's war prose evolution in the direction of war space psychologism.

Key words: a war story, Russian-Belarusian literary connections, continuity, psychologism, "the dialectic of the soul".

В истории белорусско-русских литературных связей важное место занимает проблема освоения белорусской литературой художественных достижений русской военной прозы второй половины XIX века. Наиболее разработанным в белорусском литературоведении аспектом указанной проблемы является влияние на белорусскую военную прозу XX века художественного опыта Л.Н. Толстого. Следует отметить, что объектами исследований в большинстве работ являются крупные эпические произведения (повести, романы, романские циклы), тогда как влиянию традиций русской военной прозы XIX века на «малые» жанры белорусской военной прозы XX века уделено недостаточно внимания. Цель данной статьи мы видим в определении преемственности художественных решений при воплощении классической для военной прозы ситуации испытания человека первым боем.

Материалы и методы. В качестве объекта исследования мы выбрали военные рассказы Василя Быкова, написанные в конце 50-х – начале 60-х годов. Обращение к данным источникам обусловлено следующими причинами. Во-первых, как это уже давно признано исследователями, традиции «лейтенантской прозы», представителем которой является Быков, восходит «к общему источнику – к Толстому» [1, с.541]. Во-вторых, рубеж 50-х – 60-х годов XX века для Быкова был временем утверждения военной темы как основной в творчестве писателя (первая военная повесть «Журавлиный крик» написана в 1960 году), а также поиска оригинальных художественных решений в ее раскрытии [2, с.427]. В-третьих, признания самого Быкова в ценности для него как для писателя толстовского художественного опыта [3]. Для реализации поставленной цели мы обращаемся к сопоставительному методу исследования.

Результаты и их обсуждение. Обращаясь к вопросу толстовского влияния на поэтику белорусской военной прозы, А.М. Адамович обратил внимание на то, что своими произведениями Толстой показал, «сколько в правде неожиданностей и поворотов» [1, с. 615]. Именно «неожиданности и повороты» движут событиями и поступками персонажей в ранних военных рассказах Быкова. На наш взгляд, этим объясняется взаимосвязь особенностей изображения внутреннего мира человека в ранних военных рассказах писателя с принципами толстовской «диалектики души». Испытание человека первым боем, ставшее классической для военной прозы ситуацией, стало предметом осмысления и в ряде ранних рассказов В. Быкова. Первое серьезное испытание, которое проходят герои Быкова, приобретает тот же смысл, что и в военных рассказах Л.Н. Толстого: оно заставляет осознать подлинную сущность войны, избавляет от прежних иллюзий, открывает прежде недоступное сознанию. Подобная ситуация представлена в рассказе «Утро вечера мудренее» («Ранак – світанак», 1966). Рассказчик-герой – безымянный младший лейтенант, командир взвода автоматчиков – после того как его взвод почти без боя отбил у немцев хутор, воспринимает успех как возможность самоутверждения: «...і розныя фарсісты думкі ўсё настойлівей пачалі займаць мае ўяўленне. Я ўжо бачыў, як на КП... камандзір палка... кажа зараз начальніку штаба: «Малайчына гэты аўтаматчык, іш урэзаўся куды!»... Зрэшты, я быў бы рады, калі б ён нават не сказаў, а хоць бы падумаў пра мяне што-небудзь накшталт: «Малайчына младшой! Не з труслівага дзесятка!» [4, с. 130]. В то же время рассказчик-герой осознаёт свою неопытность: «Смелы я або трус – аб тым мне, дарэчы, яшчэ самому было невядома. Па прычыне зусім нядоўгае мае франтавой выслугі, выпадку як след праверыць сябе на гэтым пакуль не здаралася» [4, с. 130]. Отсюда и стремление младшего лейтенанта подавлять в себе малейшие бессознательные проявления чувства страха, и желание казаться решительным в глазах подчиненных: «Ды і сорамна было памкамузвода сяржанта Хазяінава, шырокатварага нетаропкага чалавека, удвая старэйшага за мяне, які на кожны мой так старана хаваны ў сябе спалох нібы незнарок кідаў: «Нічога! Міма...» [4, с.131]. Однако то и дело проявляющаяся нерешительность рассказчика подчеркивается писателем с помощью контраста внешности и поведения «новичка» и более опытного сержанта Хозяинова: «Апрануты ён быў у новы яшчэ камсастаўскі паўшубак з выдраным клокам на левай лапатцы, на нагах яго сядзелі валёнкі... Падобна на тое, што яму было цёпла. Я ж у сваім «на рыбіным футры» шынелку пачынаў ужо зябнуць на снезе...» [4, с.131].

После благополучного начала в ход событий вмешиваются «неожиданности и повороты» войны: внезапная атака немцев, гибель Хозяинова, отступление и приказ командира полка майора Воронина под угрозой расстрела отбить хутор. Чувствуя, что события развиваются вопреки его воле, командир пытается действовать: «Мяне ж ці то ад гарэлкі, ці таму, што я толькі цяпер пачаў усведамляць усю незайздроснасць свае перспектывы, пачала распіраць неспатомная прага да дзеяння. Хацелася неадкладна кудысьці бегчы, ... здаецца, я пачынаў адчуваць у сабе сілу і рашучасць супраціўлення абставінам» [4, с.139]. Однако неудачная попытка отбить хутор ничего не оставляет ни от попыток казаться уверенным, ни от прежних тщеславных мечтаний: «Дурань, пянцох і няўдачнік. А яшчэ столькі марыў аб подзвігах! Зубрыў у вучылішчы статуты, стараўся на службе, меў выдатныя характарыстыкі. Зкзамены здаў на пяцёркі. Выпусцілі па першым разрадзе з правам датэрміновага прысваення чарговага воінскага звання. Навошта цяпер... першае званне, якое была і апошнім. Растрэляюць як сабаку... І ніхто нават не даведаецца ніколі, што перажываў перад смерцю камандзір узвода аўтаматчыкаў і якое было ў яго жыццё» [4, с. 142]. Изображения внутреннего мира человека в рассказе Быкова, безусловно, перекликается с толстовской «диалектикой души», воплощенной в третьем севастопольском рассказе. Мечты Володи Козельцова по пути в осажденный Севастополь о романтическом подвиге тоже усилены обостренным «желанием выказать»: «...ведь ежели здесь

счастливого пойдёт, так можно ещё скорее выиграть, чем в гвардии: там в десять лет в полковники. А здесь Тотлебен так в два года из подполковников в генералы...» [5, с.158]. Но после увиденного в госпитале и городе (здолго до первого боя!) романтические представления о войне неожиданно сменяются страхом: «Вся его молодая и чувствительная душа сжалась и ныла под влиянием сознания одиночества и всеобщего равнодушия к его участи в то время, когда он был в опасности. «Убьют, буду мучиться, страдать, – и никто не заплачет!» И все это вместо исполненной энергии и сочувствия жизни героя, о которой он мечтал так славно» [5, с.172].

Исход боя для рассказчика вроде бы благополучен: врага удалось отбить, а сам лейтенант лишь легко ранен в руку. Все началось с победы и все ей закончилось. Но после боя из взвода осталось в живых только семеро, поэтому в душе рассказчика не может быть прежней ясности: «Цяпер я сам не разумею сябе – адбылося нешта супярэчлівае і загадкавае. Недзе ў глыбіні душы я рады, амаль шчаслівы, і ў той жа час мне як ніколі крыўдна і хочацца плакаць» [4, с.145]. События, произошедшие за короткий промежуток времени, заставляют молодого командира почувствовать прежде недоступную для его сознания роль случая на войне, переосмыслить прежнее отношение к Воронину. В бою командир полка был для рассказчика лишь воплощением жестокой власти: «Я глядзеў на яго сутулаватую, паверх паўшубка апяразаную рамянямі постаць, і ў гэты момант для мяне не існавала ў свеце нічога, апроч ягонае гнёўнай улады» [4, с. 137]. Но после боя, глядя на убитого майора, рассказчик с трудом узнаёт его. Вид мертвого тела, как в толстовской «Рубке леса» (эпизод смерти Веленчука), разрушает привычное представление о человеке, открывает прежде незаметное: «Ён ляжыць на лаўцы, між двума вокнамі, з застылым воскавым тварам, на якім ужо ні руху, ні думкі – толькі слабы адбітак нейкай няпэўнай грывасы. Гриваса гэтая больш за мярцвецкае здранцвенне робіць яго твар амаль чужым, раней невядомым мне, напэўна, гэта таму, што пры жыцці была зусім неўласціва яму» [4, с.128]. Поэтому к убитому Воронину младший лейтенант испытывает совершенно иное чувство: «Да маёра ў мяне, не зважаючы ні на што, адно толькі – ціхае шкадаванне... І тут самае кепскае ў тым, што ніколі ўжо і не даведаешся, ці ён сапраўды хацеў выканаць сваю пагрозу, ці толькі палохаў. Гэта ўжо навек застанеца для мяне загадкай» [4, с. 146]. Как и в толстовских рассказах, близость смерти становится способом познания жизни, толчком к осознанию сопричастности судьбы одного судьбам многих: «...я адчуваю да гэтай магілы нейкае невыказанае сваё дачыненне. Напэўна, таму, што сярод тых, хто хутка ляжа сюды, вельмі нават магчыма мог бы ляжаць і я. Лёс або выпадак дамогся іншага, і ўсё ж нейкая часцінка майго Я будзе вечна знаходзіцца тут – з Грынюком, Дудчанкам, Усольцавам, Бабкіным. І з маёрам Вароніным таксама» [4, с.146].

Характерно обращение к толстовскому опыту и в рассказе «Утрата» («Страта», 1956). Центральный персонаж – молодой боец Матузка – также во многом схож с толстовскими Аланиным и Володей Козельцовым. Как и в рассказах Толстого, в портретной характеристике персонажа внимание акцентируется на деталях, подчеркивающих обаяние молодости: «очень хорошенький и молоденький юноша в офицерском сюртуке и высокой белой папахе...» [5, с.12] («Набег»); «Молоденький мальчик, лет семнадцати, с веселыми черными глазами и румянцем во всю щеку...» [5, с.156] («Севастополь в августе»), «...свежы кірпаты твар Матужкі, на пераносі крануты рабаціннем, і тонкая постаць падлетка ўжо завельмі маладзілі яго» [4, с.148]. Поведение Матужки мотивировано все тем же «желанием выказаться». Назначение в помощники пулеметчику Галкину молодой солдат воспринял как долгожданную возможность проявить себя: «Першае самастойнае баявое заданне было прычынай яго незвычайнай энергіі і спрыту. Хоць Матужка і не першы дзень на вайне, але неяк здаралася, што яму не давялося трапіць у бой: усё выпадаў рэзерв або марш ці другой эшалон» [4, с. 147]. «Детскость» поведения проявляется и во взаимоотношениях Матужки и его напарника Галкина. С одной стороны, описание внешности Галкина создает контраст между «новичком» и «опытным»: «Гэта быў дужы і сур'ёзны хлопец, ненамнаго старэйшы, але з выгляду куды мажнейшы за Матужку. Рысы яго твару вылучаліся той грубаватай буйнаватасцю, якая разам з некаторай панурасцю ў поглядзе рабіла яго старэйшым за свае, можа, і невялікія гады» [4, с. 148]. Опытность Галкина подчеркнута еще одной деталью: «...апануў заношаную і засаленую гімнасцёрку з двума медалямі «За адвагу»» [4, с.152]. Но несмотря на желание Галкина казаться старше и опытнее Матужки, взаимоотношения напарников схожи с взаимоотношениями «старших» и «младших» в детской среде. Успех в первой стычке с немцами Матужка воспринимает как доказательство равенства со «старшим», а Галкин – как повод для того, чтобы «снизойти» до дружбы

с «младшим»: «У гэты час ён быў перакананы, што Галкін зусім някепскі хлопец... а Галкін... думаў, што з маладога байца, пэўна, будзе толк» [4, с. 151].

Изображая «новичка» в самый напряженный момент боя, Быков акцентирует внимание на том, что действиями Матужки движут на первый взгляд противоположные чувства: «Страшна зрабілася хлопцу тут, на паверхні зямлі, воддаль ад вырытага акупчыка. Але трэба было рабіць сваю справу – бегчы наперад, каб у час памагчы Галкіну» В момент первого серьезного испытания боец, несколько часов назад мечтавший о подвиге, не осознаёт того, что совершает *подвиг* и ведет себя по-детски бессознательно: «Малады баец моцна спалохаўся ад думкі, што спазніўся. Як-кольвечы ён прыцэліўся і націснуў спуск... Нястрыманая весялосць ахапіла кулямётчыка. Аглушаны выбухамі і стрэламі, ён на ўсё горла крычаў адно і тое ж зларадна-дураслівае...» [4, с.155-156]. После боя отношение Матужки к происходящему, казалось бы, не изменяется: «Як крыўдныя слёзы маленства, адразу забыліся нядаўнія страхі... Ён... быў рады, і радасць яго павялічвалася ўпэўненасцю, што Галкін задаволіцца яго ўмелствам і цяпер, бадай, пасябруе з нім» [4, с. 157]. Однако толчком к новому осознанию действительности вновь становится смерть. Внезапное известие о гибели Галкина стало для молодого солдата потрясением: «Нешта цяжкае і душнае навалілася на хлопца... Матужка апусціўся на пыльны ўскраек дарогі і абхапіў рукамі кулямёт» [4, с.157]. В то же время смерть воспринимается героем и автором как движение по замкнутому кругу – от смерти к жизни: «Матужка падняўся апошні і, падумаўшы крыху, стаў у галаву калоны, дзе ўчора крочыў Галкін і дзе звычайна станавіліся ручныя кулямётчыкі» [4, с. 157]. Война дает мало времени на принятие решений. Смерть на войне страшна, но закономерна. Матужка занял место Галкина, а значит война (и жизнь!) продолжается – так частное событие становится частью «большого» пространства и времени. По нашему мнению, и в этом случае возникает перекличка с толстовскими военными рассказами. Так, описание начала похода в «Набеге» сопровождают «звуки солдатской песни, барабана и прелестного тенора, подголоска шестой роты...» [5, с.11]. Эти же звуки сопровождают завершение похода: «Подголосок шестой роты звучал изо всех сил» [5, с. 32]. Так финал рассказа становится знаком не только конца, но и бесконечности: частный эпизод завершен – «большая» история продолжается. Тот же смысл несет повторение пространственных и временных координат в «Рубке леса», а также первом и втором севастопольских рассказах.

Заключение. На раннем этапе творчества Василия Быкова художественное освоение и осмысление писателем художественных открытий, сделанных классиками русской военной прозы второй половины XIX столетия, стимулировало поиск новых художественных приемов изображения войны, прежде всего средств раскрытия человеческого характера в его сложности и противоречивости. «Неожиданности и повороты» войны, открывающиеся сознанию человека в первом бою, приобретают в произведении тот же смысл, что и в толстовских военных рассказах: они заставляют осознать подлинное значение событий, помогают ощутить контраст между объективной и субъективной реальностью. Безусловно, что творческое осмысление художественных открытий Л.Н. Толстого во многом определило эволюцию военной прозы Василия Быкова в сторону психологизации батального пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамович А.М. Собр. соч. В 4-х т. Т.3. / А.М. Адамович – Мн.: Маст.літ, 1982. – 622с., 4 л. ил.
2. Беларускія пісьменнікі: Бібліягр. слоўн. У 6 т. Т.1./ Ун-т імя Я. Купалы АН Рэспублікі Беларусь. Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: І. Э. Багдановіч і інш. – Мн.: БелЭн, 1992. – 542 с.: іл.
3. Быков В. Правду и всю правду. / Сов. культура, 1987, 29 октября. – С.4.
4. Быкаў В. Збор твораў. У 6 т. Т.6. Аповесць, апавяданні, драма, публіцыстка./ В.Быкаў – Мн.: Маст. літ, 1994. – 543 с., [4] л. іл.
5. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22-х т. Т.2./ Л.Н. Толстой – М.: Худож. лит., 1979. – 422 с.

Лапунов Сергей Владимирович.

УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова», кафедра литературы, старший преподаватель.

Адрес для корреспонденции: vonupal@yandex.ru

Репозиторий ВГУ